

На каверзный вопрос Рёмэна Сукуны Кэндзяку ответил с абсолютным олимпийским спокойствием:

— Видишь ли, не было никакой гарантии, что тело Дзина Итадори переживет воплощение. Но его природа слишком уникальна, чтобы так глупо рисковать. Случись осечка — и я потерял бы шанс использовать его для рождения Юдзи. А ведь мне нужно было создать для тебя безупречный, гарантированно стабильный сосуд.

На губах Кэндзяку заиграла загадочная ухмылка:

— Чтобы исполнить условия нашего связывающего договора, Сукуна, я лично выносил и родил для тебя Юдзи Итадори!

Когда Кэндзяку захватил тело Каори Итадори, та не была беременна. Так что Юдзи от начала до конца был плодом его союза с Дзином Итадори. Ребенок, сотворенный и рожденный специально для Сукуны.

Сукуна промолчал.

Даже Король Проклятий, уловив весь скрытый смысл этих слов, на мгновение лишился дара речи от столь извращенной преданности.

Тем более что он уже начал смутно догадываться об истинной сути Дзина Итадори. Этот человек был реинкарнацией души его собственного близнеца, сгинувшего тысячу лет назад.

Причина, по которой Сукуна родился с четырьмя руками, двумя лицами и владел двумя проклятыми техниками, крылась во внутриутробной борьбе: еще до появления на свет он поглотил своего брата-близнеца. Их тела слились воедино, породив ужасающее, монструозное существо.

Но именно это уродство наделило его невиданной мощью, позволив тысячелетие назад безнаказанно властвовать в облике неоспоримого Короля Проклятий.

И надо же было такому случиться, что спустя тысячу лет Кэндзяку ухитрился сойтись с переродившейся душой его брата и зачать Юдзи, планируя сделать племянника новым вместилищем для дяди.

Но стоило плану дать осечку — когда Юдзи оказался под надежным крылом Шести Глаз, лишивших Сукуну шанса на полноценное воплощение в его теле, — как Кэндзяку без колебаний пустил в расход самого Дзина Итадори, превратив его в запасной сосуд.

Разумеется, Сукуне были чужды семейные узы и сентиментальность. Он не испытывал ни

малейшего сожаления от того, что поработил тело собственного переродившегося брата. Его просто до глубины души коробила эта приторная, безумная фраза древнего интригана: «Я лично выносил и родил его для тебя».

До того как занять тело Дзина, Король Проклятий мог бы легко отмахнуться от этих слов — мол, какое ему дело до выроodka Кэндзяку, и нечего нести эту тошнотворную чушь. Но теперь, когда он воплотился в этом теле, с биологической точки зрения Юдзи Итадори действительно приходился ему сыном.

Не выдержав, Сукуна молниеносным взмахом руки пустил невидимый клинок расщепления, который пролетел в волоске от макушки собеседника.

— Твой язык слишком длинный, — процедил он сквозь зубы.

Он не стал допытываться, не создал ли Кэндзяку этого мальчишку намеренно как идеальные кандалы, способные подавить его волю. В конце концов, их союз изначально строился на голом прагматизме и взаимном расчете.

Заметив, что Король Проклятий направился к выходу из подземной лаборатории, Кэндзяку поспешил его остановить:

— Сукуна, тебе лучше пока затаиться. Подожди, пока Ураумэ соберет остальные пальцы и ты вернешь былую мощь. Иначе Шесть Глаз живо тебя вычислят. В эту эпоху их родилось сразу двое, и каждый из них — чудовище, превосходящее всех своих предшественников. Сильнейшие Шесть Глаз в истории. Тебе ли, побывавшему в их колледже, об этом не знать?

Тот замер на полушаге. Он не был глупцом и умел отступать, когда того требовали обстоятельства. Пока его силы далеки от пика, затаиться на время — вполне разумный ход.

Сознание Дзина Итадори уже полностью угасло, стертая древней душой. И если эти двое из клана Годжо обнаружат его, они без колебаний уничтожат сосуд вместе с ним, не заботясь о судьбе несчастного обывателя.

Но главным сдерживающим фактором был этот соплук, Годжо Хара. Владелец Шести Глаз владел непостижимой техникой, способной грубо вырывать древнюю душу из плоти носителя, разрывая ментальные связи. Против такой силы идти напролом — чистое самоубийство. Нужно собрать все пальцы, вернуть абсолютное превосходство, и только тогда разорвать Хару на части.

Поняв, что его доводы возымели действие, Кэндзяку удовлетворенно улыбнулся.

— Пойдем, я подыщу тебе более надежное убежище. Здесь оставаться небезопасно.

Он увел своего союзника подальше. Этой подземной лабораторией Кэндзяку дорожил и не собирался оставлять в ней столь непредсказуемую стихийную угрозу. Одно неверное движение

— и Король Проклятий разнесет все его многолетние труды в щепки.

Чтобы подхлестнуть рвение ледяного мага, Кэндзяку специально поспешил поделиться с Ураумэ радостной вестью: его господин обрел новое тело. Однако тут же с напускной тревогой предостерег:

— Учти, сейчас сила Сукуны равна всего одному пальцу. Столкновение с любым магом особого ранга станет для него смертельным. Поторопись, найди остальные пальцы как можно скорее.

Для Ураумэ эти слова прозвучали как призыв к оружию. Сгорая от преданности, он с удвоенным рвением ринулся на поиски утерянных пальцев своего повелителя.

Время неумолимо шло вперед, и вот наступил день Межшкольного соревнования сестринских школ магии Токио и Киото.

Поскольку на прошлом турнире маг особого ранга Юта Оккоцу в одиночку камня на камне не оставил от киотских соперников, обеспечив Токио триумфальную победу, право проведения нынешних состязаний перешло к Токийскому магическому колледжу.

На трибунах для почетных гостей Годжо Сатору с довольной ухмылкой наблюдал за тем, как его подопечные постепенно перехватывают инициативу. Лениво подперев щеку ладонью, он повернулся к хмурому Гакуганзи Ёсинобу:

— Ну и какой был смысл раздувать скандал и малодушно отстранять Юту от соревнований? Мои ребята в любом случае на голову выше ваших!

— Цыплят по осени считают, — сухо отозвался Гакуганзи, даже не повернув головы.

Его ледяной взгляд был прикован к экрану, транслирующему лицо Юдзи Итадори.

«Значит, это и есть тот самый сопляк... потенциальное вместилище Сукуны?» — подумал старик, опасно прищурившись.

Сатору не заметил этого мимолетного интереса к Итадори. Его внимание привлек другой экран, куда Мэй-Мэй передавала изображение с помощью своей Техники манипуляции черными птицами. Ткнув локтем зевающего рядом Тодзи, блондин оживленно спросил:

— Эй, смотри, Мэгуми сошелся лицом к лицу с наследником клана Камо. Как думаешь, чья техника круче — его Техника десяти теней или их Манипуляция кровью?

Тодзи лениво приоткрыл один глаз и без малейших сомнений буркнул:

— Мой пацан его раскатает. Без вариантов.

Было бы странно, если бы Мэгуми, которого он самолично муштровал с пеленок, уступил какому-то Норито Камо, который старше его всего на пару лет. Зачем тогда были все эти годы жестких тренировок?

О рукопашном бое и говорить нечего, но даже если судить чисто по шикигами — при деятельном участии отца Мэгуми подчинил себе девять теней из десяти. Лишь легендарный Макора оставался непокоренным. По сути, от того великого главы клана Дзэньин, который сотни лет назад насмерть схватился на дуэли с предком из клана Годжо, Мэгуми отличался лишь объемом проклятой энергии — просто в силу возраста.

Конечно, нынешние Шесть Глаз — аномалия за пределами всяких стандартов. Тодзи сильно сомневался, что Мэгуми одолеет этих двоих братьев, даже если призовет Макору. Разница в опыте и возрасте играла решающую роль.

Но против сверстника с Манипуляцией кровью? Тут у Тодзи не возникало и тени сомнений в превосходстве сына.

Да и предел прочности Манипуляции кровью изначально уступал Технике десяти теней и Безграничности Шести Глаз. Ее причисляли к наследию Трех великих семейств лишь потому, что передавалась она куда стабильнее и обладала широким спектром применения.

— Я тоже ставлю на своего ученика! — хохотнул Сатору. — Жаль, никто не согласится принять пари на такой очевидный исход.

При слове «пари» в глазах Тодзи блеснул азартный огонек, и он даже соизволил выпрямиться:

— Почему же? Спорим: ты ставишь на то, что Мэгуми проиграет, а я — что он победит.

Так он уж точно сорвет куш.

Сатору скрестил руки на груди, изображая решительный отказ:

— И не подумаю! Я в заведомо проигрышных делах не участвую. Давай лучше наоборот: ты ставишь на его поражение, а я — на победу.

Тодзи молча отвернулся. За кого этот блондин его принимает? Нашли дурака — ставить против собственного сына в беспроигрышном бою.

Их громогласное обсуждение неминуемого краха Норито Камо заставило руководство и преподавателей Киотского магического колледжа изрядно скривиться.

Даже токийцы правы, к чему это высокомерное бахвальство на глазах у всех? Киото вообще-то тоже дорожит своей репутацией!

Впрочем, развязка этого поединка не заставила себя долго ждать.

Норито Камо с самого начала вел себя напыщенно, всем своим видом показывая: «Мы оба — наследники Трех великих семейств, так покажи мне, на что способна твоя техника». Мэгуми от этого пафоса лишь помрачнел:

— Сколько раз повторять? Я не имею никакого отношения к Дзэньинам. Моя фамилия — Фусигуро!

По правде говоря, до поступления в колледж Мэгуми рос обычным ребенком, вел тихую жизнь и даже близко не представлял, в какую трясину проклятых интриг его втянет происхождение.

Лишь после окончания средней школы, когда его определили в Токио, парень узнал, что его врожденный дар — величайшая реликвия клана Дзэньин, одного из Трех великих семейств магического мира.

Тогда же Сатору во всех красках просветил его насчет прошлого его отца. Рассказал, как Тодзи, лишённого проклятой энергии из-за Небесного проклятия, годами травили и унижали в родных стенах, из-за чего тот при первой возможности сбежал, взял фамилию жены и отрекся от рода Дзэньин как от страшного сна.

Наслушавшись историй о мытарствах отца, Мэгуми раз и навсегда уяснил для себя: клан Дзэньин — это гнилая помойка. Сборище высокомерного мусора, который даже переработке не подлежит.

И сколько бы эти напыщенные старейшины ни обивали его пороги, завлекая обратно и суля место законного наследника, парень лишь брезгливо воротил нос.

Когда они попытались надавить через его мать, надеясь найти в ней слабое звено, Тодзи быстро и доходчиво объяснил ходокам их неправоту с помощью кулаков. Но этот инцидент окончательно похоронил репутацию Дзэньинов в глазах Мэгуми. С тех пор любое упоминание о кровном родстве вызывало у него стойкое отвращение.

Да, кровь не водица, но мириться с тем, что его постоянно приравнивают к этому семейству, он не собирался.

Так что высокомерное упоминание Техники десяти теней клана Дзэньин из уст Норито Камо окончательно переполнило чашу терпения Мэгуми. О деликатности можно было забыть. Сложив пальцы в жесте призыва, он высвободил проклятых зверей и ринулся в атаку вместе со своими шикигами, вымещая всю накопившуюся злость на сопернике, пока тот бесславно не растянулся на траве.

В конце концов, жестокая школа выживания под надзором Небесного тирана принесла свои плоды — уклоняться от ударов Мэгуми умел мастерски.

Практически одновременно завершилась схватка и на другом конце полигона, где сошлись Аой Тодо и Юдзи Итадори.

Правда, поединок пошел по весьма странному сценарию: прямо посреди драки киотский буян первого ранга внезапно узрел в сопернике родную душу. Сгребя ошарашенного Юдзи в охапку, Тодо завыл во весь голос, орошая его плечо слезами:

— Мой названный брат! Мой лучший друг! Как этот старый маразматик-директор мог назвать тебя сосудом проклятия? Ты же плоть от плоти моей, мой кровный брат, разлученный со мной в прошлых жизнях!

Юдзи лишь испуганно хлопал глазами, пытаясь вырваться из стальных объятий:

— Стой-стой, какой еще сосуд? О чем ты вообще?

— И мы ведь даже не были знакомы до сегодняшнего дня! У нас школы были разные, да и братьев у меня сроду не водилось...

Но Тодо пропускал все доводы мимо ушей, упрямо и в одностороннем порядке зачислив Юдзи в ранг своего самого близкого человека на планете.

Услышав долетевшие из динамиков причитания Тодо, Годжо Сатору медленно повернул голову к Гакуганзи. На его лице больше не было праздной улыбки.

— С каких это пор Юдзи числится сосудом проклятий? — вкрадчиво, с опасными нотками в голосе спросил он. — Что-то я не припомню такого в его личном деле.

«Кто слил информацию?» — завертелось в мыслях мага.

Он принялся лихорадочно перебирать в уме имена тех немногих, кто знал правду.

Ведь тогда, стоило Юдзи проглотить палец Сукуны, Сатору мгновенно вырубил его и доставил в Токио. Пока парень лежал без чувств, Хара ювелирно вырезал и запечатал душу Сукуны. Сам Юдзи, придя в себя, даже не подозревал, какая бездна едва не поглотила его разум.

Круг посвященных ограничивался буквально пятью людьми: Мэгуми, Сёко Иэири, Сугуру Гэто, Хара и он сам.

Никто из них не стал бы болтать на стороне — в этом Сатору был уверен на все сто.

Откуда тогда у руководства Киотского магического колледжа появились столь детальные подозрения касательно физиологии обычного токийского первокурсника?

Сейчас Юдзи — совершенно чистый парень, пусть и обладающий незаурядной физической силой и проклятой энергией, но лишенный врожденной проклятой техники. Даже Шесть Глаз не разглядели бы в его теле следы бывшего слияния, так как душа Сукуны была извлечена без остатка. Другие маги тем более не могли почуять угрозу.

Вывод напрашивался один: крыса. Кто-то намеренно пустил слух.

Под тяжелым, пусть и скрытым за повязкой взглядом Сатору старый Гакуганзи ощутил, как по спине пробежал неприятный холодок. Прямых доказательств у него, конечно, не было. Но когда дело касается Рёмэна Сукуны — абсолютного зла древности, — старейшины предпочитали действовать превентивно. Лучше прервать одну сомнительную жизнь, чем рисковать судьбой человечества.

И все же находиться под прицелом сильнейшего мага современности было невыносимым испытанием.

— Поступил анонимный донос, утверждающий, что этот мальчишка способен удерживать душу Сукуны, — хрипло выдавил из себя директор. — Мы лишь хотели убедиться в безопасности.

Сатору издевательски фыркнул:

— И как же вы собирались это проверить? Скармливая моему ученику Пальцы Двуликого Сукуны, чтобы посмотреть, оживет ли в нем древнее чудовище?

— Разумеется, нет, — нахмурился старик. — Всего лишь убедиться, что он уже не захвачен духом Сукуны.

— Проверить моего ученика на одержимость? — Голос Сатору упал до леденящего шепота. — Ты за кого меня держишь, старик? Думаешь, мои Шесть Глаз — просто дешевое украшение? Если бы в теле Итадори сидела чужая душа, я бы заметил это первым!

Став преподавателем, Сатору старался держать себя в рамках приличий, но наглые махинации консерваторов за его спиной сорвали всякую спесь, вернув ему манеры того самого заносчивого и опасного подростка, каким он был в юности.

Но прежде чем назревающий конфликт перерос во вспышку насилия, небо над колледжем внезапно потемнело. Сверху стремительно опустилась чернильно-черная Завеса, накрыв куполом весь полигон и заперев студентов внутри.

В тот же миг развешанные по стенам наблюдательного пункта охранные талисманы вспыхнули багровым пламенем, сигнализируя о масштабном вторжении.

Экраны погасли один за другим, погрузив комнату в полумрак. Мэй-Мэй, нахмурившись, резко оборвала связь:

— Мои птицы... все до единой мертвы. Связь потеряна.

Директор Яга Масамити мгновенно поднялся с места:

— Назад, к студентам! Спасайте детей!

— Сатору, вы с Тодзи разберитесь с тем, что творится на полигоне, — скомандовал он. — А я направляюсь к господину Тэнгэну!

Годжо кивнул, и преподаватели единой группой бросились на улицу, к черному куполу.

Но едва они приблизились к границе, Завеса упруго самортизировала, наотрез отказавшись пропускать сильнейшего мага.

В то время как остальные беспрепятственно проскальзывали внутрь, Сатору наткнулся на невидимую стену. Он раздраженно рассмеялся:

— Надо же, индивидуальная Завеса под мою скромную персону? Польщен.

Тодзи, проходя мимо, снисходительно окинул взглядом застрявшего босса и хищно оскалился:

— Повозись тут, величайший. Постарайся сломать эту жестянку до того, как я вырежу там всех нарушителей.

Оставив Сатору злиться снаружи, Небесный тиран без малейшего сопротивления шагнул сквозь барьер — ведь у него не было ни капли проклятой энергии, для которой предназначались эти плетения.

Годжо лишь фыркнул вслед наемнику. Уж в скорости разрушения Завес ему точно не было равных!

Оказавшись по ту сторону Завесы, Тодзи взял курс напрямик на Мэгуми.

Он не знал точных координат, но его звериное чутье и цепкая память зафиксировали детали пейзажа на погасшем экране. Вычислив траекторию, мужчина стремительно понесся сквозь лесную чащу. Спустя пару минут он уже уловил знакомый отголосок присутствия своего отпрыска.

Мелькавшие на пути проклятые духи и шальные проклятые маги даже не успевали понять, что происходит. Тодзи проносился сквозь них подобно урагану, оставляя за собой лишь холодные трупы и рассеянные сгустки энергии. Ни единой лишней секунды на драку — только

мгновенная, отточенная смерть.

Вскоре он настиг зашедших чуть раньше Гакуганзи и Утахимэ.

Те лишь ощутили резкий порыв ветра. Пара вражеских проклятых магов, только что сыпавших угрозами, мгновенно рухнула на землю с перерезанными глотками. Ни директор, ни молодая женщина даже не успели уловить движение убийцы.

Утахимэ, смертельно побледнев, перевела взгляд с исчезающего силуэта Тодзи на распростертые тела:

— К-какой кошмар... Ни единой крупинцы проклятой энергии, а расправился с ними за долю секунды.

Она не обольщалась насчет павших врагов — их ауры были вполне сопоставимы с ее собственной силой. Столкнись она с этим монстром один на один, ее ждала бы та же участь.

Гакуганзи угрюмо сощурился, глядя вслед наемнику:

— Это Убийца магов, Тодзи Фусигуро. Сейчас он притворяется мирным учителем физкультуры, но руки его по локоть в крови нашего брата.

В отличие от молодых глупцов, презиравших Тодзи как «обезьяну» без дара, старый директор прекрасно осознавал масштаб угрозы. Он давно подозревал, что чередой загадочных смертей среди консервативной верхушки Главного совета магов — дело рук именно этого человека. Слишком уж чисто все было обставлено: никаких следов магии, никаких улик. Идеальный почерк Небесного тирана.

Но без улик сделать что-либо с убийцей, находящимся под покровительством Годжо Хары, было невозможно. Приходилось терпеть.

Оставалось лишь уповать на то, что Хара действительно держит этого зверя на коротком поводке, а сам Тодзи нашел свое призвание в преподавании.

Иначе столь опасный клинок у самого горла магического сообщества в один прекрасный день мог пустить им кровь.

К счастью, сегодня этот монстр выступал на их стороне. На полигоне находился его собственный сын, а значит, у них был общий враг.

Гакуганзи подошел ближе и осмотрел поверженных врагов. К его удивлению, Тодзи проявил несвойственное ему милосердие — оба проклятых мага были тяжело ранены и без сознания, но дышали. Отличный материал для допроса.

Облегченно вздохнув, старик приказал Утахимэ оттащить пленных в безопасное место и запереть, а сам поспешил дальше, на помощь остальным ребятам.

С появлением Тодзи внутри Завесы Сатору окончательно успокоился за учеников. Наемник такого калибра даже в случае засады из нескольких проклятий особого ранга сумел бы вывести детей без потерь.

Активировав Шесть Глаз, Сатору хладнокровно просканировал структуру купола. С его безупречным пониманием барьеров найти брешь в сложной вязи проклятой энергии было делом нескольких секунд.

Сосредоточив удар строго в уязвимую точку, маг с легкостью развеял Завесу. Черный купол осыпался безвредными искрами.

Поднявшись в воздух, Сатору окинул взором расстилающийся внизу полигон.

Все шло на удивление гладко. Токийские маги уверенно давили незваных гостей. Группа Тодзи уже зачистила свой сектор и выводила Мэгуми и остальных студентов в безопасную зону.

Но стоило ему расслабиться, как со стороны Склада проклятых артефактов докатился мощнейший всплеск пугающе знакомой энергии, сопровождаемый раскатистым, безумным хохотом.

Сатору резко развернулся в ту сторону, и его лицо мгновенно стало серьезным.

— Сукуна?! Но как...

Использував мгновенное перемещение, он в ту же секунду оказался у Склада. Перед ним стоял человек, чертами лица пугающе похожий на Юдзи Итадори. Покрытый древними татуировками Король Проклятий, испуская волны удушающей силы, с диким смехом разрывал на себе верхнюю одежду.

Позади него замер бледнолицый маг с ледяным взглядом — Ураумэ, владеющий Проклятой техникой льда. Тот самый неуловимый прихвостень, которого Тодзи когда-то долго и безуспешно пытался выследить.

Появление Сатору заставило Сукуну оборвать смех. Сукуна вперил в незваного гостя четыре багровых глаза. Узнав ненавистные черты, Король Проклятий осклабился, обнажая клыки:

— О, Шесть Глаз пожаловали! Я ведь обещал, что когда верну свою силу, первыми под нож пущу ваш род. Хары здесь нет, но прикончить тебя — тоже неплохое начало. Говорят, вы с братом души друг в друге не чаете. Представляю, как он взвывает, когда я пришлю ему твою голову!

От одной этой мысли лицо чудовища исказила гримаса садистского предвкушения.

Сатору лишь весело рассмеялся, картинно покачав головой:

— Убить меня? Смелое заявление для заплесневелой мумии, которая тысячу лет валялась в склепе! Напомни, сколько Пальцев Двуликого Сукуны ты там наскреб, чтобы подать голос?

— Жалкий щенок, способный лишь чесать языком, — процедил Сукуна.

Впрочем, это была чистая бравада. В глубине души Король Проклятий прекрасно понимал, что прямо сейчас одолеть сильнейшего мага современности ему не под силу.

Пусть они сталкивались впервые, слава Сатору гремела на весь мир магов. Сукуна уже успел оценить толику чудовищного могущества Хары, а раз Сатору стоял с ним на одной ступени, значит, его сила была столь же безграничной. С нынешними шестнадцатью пальцами тягаться с таким противником было безумием.

Изначально Кэндзяку настаивал, чтобы он не высывался, пока Ураумэ собирает оставшиеся части тела. Но Сукуна не терпел пассивности и не привык полагаться на чужую удачу. Опасаясь, что слуга может потерпеть неудачу, он лично явился в Токийский магический колледж, чтобы силой забрать свое наследие со Склада артефактов.

<http://bllate.org/book/19549/2004390>